

Валерий Граждан

**ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КОМЕНДОРА-ПОДВОДНИКА
СТАРШИНЫ ДЕРЯБИНА**

Валерий Аркадьевич Граждан
Военные приключения
комендора-подводника
старшины Дерябина
Серия «Морские истории и байки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24161158
ISBN 978-5-906858-43-6

Аннотация

Рассказы Валерия Граждана, в прошлом подводника, они о тех, реально живущих служивших на атомных субмаринах, где героизм – быт, а юмор – та дополнительная составляющая быта, без которой – амба! Проза Валерия Граждана, по сути, попытка стереть модные «плевошки» с понятия «патриотизм», попытка помочь россиянам полнее осознать себя здоровой, героической и весёлой нацией.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	23
Часть вторая	26
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Граждан

Военные приключения комендора-подводника старшины Дерябина

Часть первая

Выжить

Глава 1

Родился в канаве

Как и любого пацана деревни Канава Симбирской губернии, что на самом краешке берега Волги, его родила мать Авдотья от отца Ильи Дерябина. Случилось сие в 1915 году от рождества Христова. Так писано в церковной книге соседнего селения Нижняя Часовня, где была церковь Господня и посему имеющего статус села. А происходило это в нужде непролазной и почти поголовной по обстоятельствам всеобщей мобилизации «мужецкого населения на войну с германцем за Царя и Отечество». Затем мальчонка рос как по-

первоначально, так и позже практически без особого самостоятельного и на подножном корме. Отец Илья, потомственный крестьянин, управился с производством наследников аккуратно до призыва воевать в государевы войска. Так что осталась Авдотья – Дуся многодетной солдаткой. Четверо за подол, а пятый – на руках. Не успел Илья толком нанюхаться отравляющих газов от германца, как жена известила его о пятом рте в семействе: понесла она от его любви ещё одного сыночка. Батюшка Онисим окрестил Степаном. А самого кормильца – то уже к весне возвратили, да напрочь израненного. Вернулся служивый, почитай через год войны. Была на нём насквозь простреленная в пяти-шести местах шинель с чужого плеча. Своя-то осталась в окопе вместе с оторванными правой рукой, лёгким и рёбрами. Так что в свою захудалую деревеньку по чудному прозванию «Канава» его доставили на перекладных, будто посылку.

Ко всему Илью изранило так, что хозяйствовать и кормить семью мужик уже никак не мог. Почитай – ополовинили молодца: без руки, глаза, лёгкого, почки и чего-то ещё из ливера с правой стороны. Одним словом Илья и жилец-то был никудышний. Токмо и сидел-посиживал изувеченный солдат с утра до ночи на завалинке. Не лез ему сиротский кусок в горло. Курил самосад не переставая. А закашлявшись, уходил в кусты, дабы сплюнуть сгустки крови куда подальше от глаз. Смотрел единственным слезящимся оком Илья на Волгу, на белый в цвету правый берег и... умирал. Семья

от зари до зари трудилась на земле. Сынок Степка один елозил по завалинку и часто вглядывался наивно по-детски в обожжённое порохом лицо отца. Илья гладил его по головке оставшейся левой рукой и смахивал рукавом слезу. Обида душила солдата: за что бог послал такие муки его семье? Ведь Стёпка был пятым ртом и младшим в семье. Дуняша, с виду моложавая, но уже многодетная мать, вскорости стала матерью-одиночкой. Буйной весной снесли на погост её любимого Илюшеньку. В небе над могилками заливались трелями жаворонки, разнотравье дурманило голову, а вечерами надрывали душу соловьи. Только и остались на память о муже дети, свадебная фотография с голубками, да Георгиевский крест героя за спасение командира полка. Как было прописано в царёвой бумаге: «Не щадя живота своего, закрыл грудью от мины вражеской старшего офицера Его благородие...»

Из губернии прибыли большие начальники и Дерябина Илью схоронили с подобающими почестями. По слухам был на похоронах и тот самый «высокоблагородие». Красиво и долго говорил, хотя деревенские поняли едва половину. Вдове отписали небольшое вспоможение: деньги не ахти какие, но всё-таки. А детей предложили сдать в приют на полный государевый кошт. Авдотья помощь взяла, а деток в приют сдать отказалась. Да и родня обещала помочь: где сеном, да огород посадить-выкопать. Всё не дадут с голода сгинуть. А тут ещё беда приключилась: пьяный улан чуть не зарубил

шашкой брата Кольку... Стёпка заорал от страха, а конник лишь засмеялся своей выходке. С тех пор стал малец заикаться. А деревенские дразнили его за это.

Крепко выручала Дерябиных корова. Из затона возили на ней сплавные брёвна на дрова, да с лугов сено. Всем семейством помогали умнице Красухе: толкали телегу с душистым сеном. Оберегали кормилицу как могли. Ведь не коровье дело возы возить. Но Красавка гордо держала голову в самодельном хомуте, будто сама мать семейства. Ходили ребятишки на мельницу подметать двор. А из просеянной муки с лебедой, серой от пыли, пекли хлеб и лепёшки. Собирали все съедобные коренья и листья: лебеду, солодку, щавель, корни репейника, листья свёклы, корни одуванчика. Грибы брали почти всякие, годные к столу. Старшие Захарка, да Нюра напросились в подпаски. На выгон все выносили сиротам кто что мог. Тем и жили. А на сенокос Захарка прино ровился подкашивать траву на выгулах. Как задует ветерок с Волги, да отгонит оводов от смирённого стада, так подпасок и за косу. А вечером, после дойки, Красавка везла телегу-двухколку с зеленым сеном ко двору. Здесь же и сушили корм на зиму.

Авдотья так и не стала сызнова выходить замуж. А сватались за хозяйственную и ладную телом женщину ещё вовсе не старые мужики. Даже с Верхней Часовни один дельный мужик наезжал. Старший сын упрашивал: «Мамань, ведь на службу мне неровён час, а в доме – одни девки, да мальцы.

Кто хозяйство держать будет? Нешто Колька с Илюшкой... А ты всю жизнь без продыху!» Но Евдокия лишь всхлипывала, уткнувшись в уже почти мужскую грудь сына: «Да куды ж я от вас теперь-то? Переболело моё сердце. А как тот мужик к вам поглянется – одному богу известно. Никто доселе не изгалялся над нами, а ведь как худо было! Да ить Нюрка наша скоро заневестится! А там и за Машуткой черед. Гляко, ить красавица растёт, да рукоделица! А мужикам на роду написано служить. Не тужи. Не ко времени ишшо».

Глава 2

Царёв мост

Раньше-то все новости узнавали от Верхней Часовни (там тракт и ямщицкая с почтой), да с перевоза, что у самой Канывы. Они и про войну-то узнали от правобережных городских. У уж после, когда мужиков повально забривали в «некруты», как оповещала бабка Меланья. Она же потаённо делилась страшными вещами: «Большаки супротив царя смуту сеют. А коноводит всем их земляк Ульянов.» А теперь и во все перевернулся весь свет: всё Заволжье запрудил рабочий люд. Зачали строить Царёв мост через Волгу. Почитай так, что по «царёву указу» учинили эдакую стройку. Заполонили весь берег: железа всякого – тьма, досок, брёвен, казённых ящичков со станками, горы коксового угля для кузнечного дела. Ведь ещё до Германской войны про мост талдычили, будто сам царь Николай выделил на него аж четырнадцать мильёнов рубликов. Да на те деньги съехался деловой народ, почитай со всей Европы: агенты, да приказчики. А сам профессор Белелюбский из Петербурга выправил на мост все бумаги, да чертежи. Только по Петропавловскому Спуску понастроили приказчикских контор, да агентств с десятков, а то и более.

Фермы моста делали на огромных клёпках, кои выковывали тут же, у стройки в кузнях. Перезвон стоял денно и нощ-

но. Напривозили ковальческих машин и они мощно ухали на всю пойму Волги. А однажды случился большой пожар: раскалённая клёпка выскользнула из клещей, да напрямик в стружку на леса. Зарево освещало всё Левобережье почитай сутки. Выгорело более двух пролётов готовых лесов. С месяц плотники со всей округи возводили строительные леса заново. А потом, как бают люди, случился какой-то грех незамоленный и страшно пошла оползнем земля с берега под тот мост. Много люда погибло, особенно мастерового.

Конфузия вышла и с поименованием моста. Было общее мнение дать мосту имя «Государев», а по бумагам «Мост Его Императорского Величества Николая Второго.» Но на то нужно было испросить Его Высочайшее соизволение. А к тому «соизволению» следовало произвести некую канцелярскую заковыку. По ней, дающий наименование, обязан быть львиным дольщиком в тяжбе. Тогда с ведома Симбирской Думы отписали в дарственную собственность железнодорожного моста 47 десятин земли. А 3 марта 1913 года состоялась торжественная закладка первого камня. И уже в октябре 1916 года по мосту были пущены первые железнодорожные составы. Народу стеклось видимо-невидимо. По обе стороны моста выстроились солдаты. Пожарники так наяривали всяческие марши, что даже дамы пританцовывали.

Но вот паровоз вывалил из высокой трубы клубы дыма и пустил из-под колёс пар. На перроне женщины взвизгнули от неожиданности. А сам начальник станции отзвонил в брон-

зовый колокол. Грянул с новой силой оркестр в такт бунчуку капельмейстера... Загремели буферами и сцепками вагоны грузового состава. Чугунные колёса начали свой перестук по новеньким рельсам. А стоявшие на берегу Волги поодаль от моста вскоре увидели, как паровоз взошёл в первый пролёт ажурного моста. Все закричали «Ур-ра!!», а из пушек дали в небо цветастый салют. По прошествии некоего времени через мост проследовали убранные мишурой вагоны с важными чиновниками из самого Петербурга. А жители Заволжья уяснили, что навеки ушла от них спокойная крестьянская жизнь.

Глава 3

Революции надо патроны

Ночью Авдотья с Захаром будили детишек: «Живее вставайте, родненькие! Не то сгорим в одночасье! Красавку, кур выгоните во двор... Да воды поболе в кадучки наливайте. А ты, Стёпка, на-ко иконку Божьей матери, да лезь на крышу! Твори, твори, как я учила, молитовку «Отче наш», да поливай с ковшичка тёс. Может Бог и помилует сиротскую семью!»

Меж тем пламя на соседском доме возвысилось до самого звёздного неба. Люди метались в дыму, истошно орали бабы, плакали дети. А пожар гудел неистово, стреляя искрами во все стороны. Горел казённый дом для беженцев и переселенцев. Случались там меж мужиков безутешные попойки от нищеты бескрайней. Вот и обронил кто спьяну сигарку. А в жару эдакую и занялось. Теперь уж не унять: зарево до неба!

Отстояли Дерябины своё нехитрое хозяйство. Измотались за ночь и заснули под утро мертвецки. Едва Захар поспел на работу, лишь попив чаю. А погорельцев поселили в один из новых бревёнчатых барачков, где только и были, что стены, да печи. Так что стало мужикам не до питья: наступали первые холода и крыша над головой – куда надобней.

По всей стране к этому времени творился невообразимый

кавардак. Обрело хождение новое слово «политика». Кому и зачем она нужна – никто толком уразуметь не мог. Каждая из спешно создаваемых партий тянула одеяло власти на себя. Власти же действующие стояли на том, что «австрияков» следует вздуть как следует и «вести войну до победного конца». А это означало, что всей Российской империи надобно в поте лица производить пушки, танки, провиант, пулемёты, винтовки и ПАТРОНЫ к ним. Люди же попросту хотели есть и жить без выстрелов и грабежей. А тут вслед за мостом в Заволжье Симбирска спешно возвели и расширили Патронный завод. По тем временам с самой передовой технологией производства. А с ней пришли питерские, революционно настроенные рабочие, интеллигенция. Ко всему прибавились солдаты, «воткнувшие штык в землю». А возвернувшись к родной земле в деревни, бывшие крестьяне увидели порушенные хозяйства с невесть откуда взявшимся продналогом.

Бесперебойно работал лишь патронный завод. Всё больше открывалось новых цехов. И подались крестьяне деревень Канавы, обеих Часовень и Карасёвки на «патронник», бросая землю и становясь рабочим классом. А Революция, переходя в войну Гражданскую, всё более окрашивалась в красный цвет, – цвет людской крови. Обильно был полит кровью и патронный завод. Предприятие переходило из рук в руки: от царского Правительства к Временному, от них-к большевикам. Позже навалились белочехи и каппелевцы. Все имели прямо противоположные цели. Одни – демонтировать и вы-

везти за границу наиболее ценное оборудование. Рабочие и большевики прятали и зарывали в тайники всё, что могли и хотели сохранить. Многие за это были расстреляны прямо у края вырытых под станки ям. И, несмотря на всё это, патроны с завода отгружали регулярно. Революция, переросшая в Гражданскую войну, требовала: патроны, патроны, патроны.

Глава 4

Голодные глаза смерти

Шёл 1920 год, год разрухи и войн. Из всех семей в стране разве что треть не особо голодали и имели сносную одежду. В наших деревнях так-сяк сводили концы с концами. Материально поддерживал завод, а продукты росли на сохранившихся огородах. Сельчане привыкли к бесконечным стрельбам и посвистам конников. Всё приходилось прятать: непрощенные гости в форме и без таковой брали всё не спросясь. Шашка на боку, значит хозяин. А чем будут сыты домашние – их не интересовало. Дуся пряталась с девочками от насилия в зимнем погребе, что под сараем. Из хозяйства у Дерябиных сохранились лишь корова, да куры. Потом не стало и их: зарубили на мясо казаки. И в усадьбе стало почти пусто. Выручала кукуруза, что буйно росла по огородам и на пустырях. Теплилась надежда на припрятанную от бандитов тёлочку, что осталась от Красавки.

Авдотья приноровилась к шитью, да так сноровисто и гладко, что ей довольно хорошо платили. Захар выучился на слесаря и помогал только косить сено младшим братьям для подрастающей Зорьки. Почитай всё лето оберегали её лесами по над Волгой, пока с войнами поутихло. Редкими вечерами семья Дерябиных собиралась в отчем доме вместе. Нюра с Машей всё больше хлопотали подле матери, постигая

искусство шитья. Здесь девочкам было по-настоящему интересно: почти как тот же скульптор швея подчёркивает фигуру человека. А зачастую делает парня или девушку неотразимыми в сшитой ладной одежде. У Дуси несомненно был дар художницы. Старший в семье Захар давно принял как должное статус «мужика в доме». От крыши на их бревёнчатом доме, до порванной обуви – всё мог изладить парень. «А ведь заберут, заберут в солдаты лихоимцы Захарку!» – со слезами тихо причитала Авдотья.

Расширялся, строился патронный завод. Появились первые каменные дома, прямо как купеческие на правом берегу. Но у вновь прибывших не было садов-огородов, да и не больно-то сноровисты были новосёлы из Питера к земле. Так что сытыми не были все. Зато кроме младшего, не вышедшего возрастом Стёпки, все Дерябины ходили бесплатно в школу. Белогвардейцы и просто конные банды носились по деревням и грабили, грабили. Мало того, уводили силком с собой молодых парней, насиловали девчат. В домах остались по большей части женщины, старики, да подростки. Детишек уже почти и не рожали: не от кого.

Но вопреки разгулу голодухи, палисады не зорили, сады-огороды не грабили. Сами люди делились, коли совсем неумоготу было кому. А бывало, как заслышат где бой, да выстрелы, так втихую шастали туда: авось убитого коняку освежают. Тогда с полсела наедались, а кому и похлёбка с костей в радость была. Вот её более и хлебала сиротская се-

мья. Мясом не много охотников находилось делиться. Разве что родственники кусочек на всех уделяли.

А с лебеды да кукурузы не больно справным будешь. Но как-то Дерябиным сподобилось за грибами пойти, да довелось между молодых сосёнок увидеть страшное: на полянке лежал убитый конь, а под ним мертвяк-улан в форме. Видать беляк. Ребят было трое: Маша, Коля, да Стёпка. Знамо дело – опешили и было побежали прочь, да замешкались. А Колька почти шёпотом остановил: «Стойте! Совсем ополоумели, что ли? Кого испужались, ведь улан совсем застреленный! А с лошади мяса гора будет. Нам хватит, да родню позовём – подсобят. Стёпка, тащи шашку, мяса наполосуем.» И долго пилили, рубили тугое конское мясо. Потом Стёпка догадался: «Надо мясо на шишках еловых закоптить, не то собаки учуют и не дадут пройти по селу!» Разгребли опавшую хвою подалее от сосен, чтобы пожара не наделать... Но тут спохватились: спичек-то нету! Догадалась Маша: «Поди у конника в карманах спички, не то зажигалка есть!» И все посмотрели на Кольку: он старший и парень. И Коля нагнулся над мёртвым: страшно! Но пересилил себя и полез к нему в карман. Достал серебряный портсигар, но спичек не оказалось. Другая нога и карман была под конём. Стёпка в одночасье приволок суковатую важину. Затесал её поудобнее, а Коля подсунул под коня. Натужились, но штанина не поддавалась. А Маша и говорит: «Дурни, штанину-то разрежьте, вот и карман наружу выйдет!» Была в кармане зажигалка, да интерес-

ная больно – под стать тому портсигару.

Так и ушёл весь день, пока не перекоптили то мясо. Почти затемно отправились домой. Ручки у лукошек едва не обрывались от тяжести. Дядька Егор, родня мамки, жил в Карасёвке, где и лежал их путь домой. Они с сыновьями помогли племянникам отнести домой мясо, да и сами затарились, почитай на зиму. Голод отступил, хотя и ненадолго. В супе из лебеды и крапивы появились мелкие кусочки мяса. В дополнении к хлебу, выдаваемому по карточкам на заводе – это напоминало скромный обед.

Если почитать документы тех лет, то люди ели даже грызунов и собак. Были случаи каннибализма. Страшные картины описывают уцелевшие свидетели тех лет: «По селу проезжала телега в сопровождении четверых мужиков. Они собирали выползших на улицу умирающих жителей. Заходили в хаты, выносили трупы стариков и детей. Всех укладывали навалом друг на дружку. Некоторые ещё шевелились. За деревней всех сваливали в овраг и ехали за новой партией умирающих и трупов.» Это лишь махонький фрагмент из той повальной, региональной, леденящей душу свирепой картины разгула смерти. Голод породил инфекции, но к заболевшим мало кто рисковал подходить: боялись заразы. Да и лекарей сыскать редко удавалось.

Дерябиных будто сам бог хранил от напастей. Но и сами ребята не знали праздности: скотина, огород, завод, шитьё... Брались за любую работу, ничем не гнушались и всё у них

получалось. Даже грамоте и рукомеслу все обучились, но хозяйство и огород не бросали, особо в 30-е годы, когда голод шёл по всему Поволжью. Особо охраняли по ночам выросшую тёлочку Зореньку. Поселковские в кражах не были замечены, а вот опасались варягов.

Глава 5

Стройки, ОСОВИАХИМ

С кончиной Вождя мирового пролетариата В.И.Ленина Россия как бы замерла на мгновение в своём революционном беге. Остановилась с намерением осознать значимость и величие свершаемого. Экономика была порушена, вооружённые силы носили зачаточный характер. Стране срочно следовало придать рывок, спасающий от катастрофы нации в целом. И это было сделано. Прежде всего объявлен призыв к революционной молодёжи на стройки и восстановление промышленности, армии и флота. А прежде всего – сесть за парты и учиться.

Впервые после смерти отца Дерябины взялись за обустройство своего дома. После пожара остались изломанными ограда и колодец. Надо было всё излаживать самим. На пепелище набрали кусков штукатурки, досок, извлекли дранку, глину, добавили своего. А вечерами Маша с Аней пели и месили в окорёнке глину, Илюшка с Колей набивали ею обрешётку, что прибывал к брёвнам Захар. А уж мать ровнёхонько разглаживала и затирала мастерком, делая стену изумительно красивой. А у Авдотьи душа радовалась за детей: славные они у неё!

После побелки в хате стало необыкновенно светло и празднично. А Захар принёс из ОСОВИАХИМА (Общество

содействия армии, авиации и химическим войскам, в последующем – ДОСААФ) плакаты с призывами идти в армию, авиацию и флот. И изба стала прототипом Комиссариата. А опора Авдотьи Захар вот уже пару лет пропадал все выходные в Аэроклубе. И вот настал его звёздный час: под гром оркестра увезли парня и других односельчан в лётное училище. Долго стояли заволжцы, провожая паром с новобранцами. Плакали, махали платками.

Коля безропотно заместил Захара. Но его слушался разве что Илья и иногда Машутка, да и то из уважения к его старшим парням-заводчанам. Аня на Покрова выходила замуж за комсомольского вожака завода. Вот уж года два она тайком от матери бегала на собрания РКСМ-комсы. А там её просто очаровал Сашка Остин, сын питерского рабочего-большевика Демида Остина.

Аня и Александр твёрдо решили ехать на новостройку в Сибирь, как только Саша закончит техникум. А Райком комсомола работал чуть ли не круглосуточно, оформляя путёвки на новостройки Сибири и Дальнего Востока. Авдотья по ночам металась во сне: распадалась её семья. Вырывали из сердца её деточек!..И всё чаще она ходила под Архангельское на погост к своему суженному Илюшеньке. Там целовала его фотографию: молодого и бравого солдата. Рыдала, уливаясь слезами: «Илюшенька, милый мой! Одна ведь скоро я останусь!» Тогда, с началом мобилизации приезжал в деревню фотограф и бесплатно фотографировал уходящих

на фронт. На многих могилках были те самые фото: всё, что осталось от мужей, сыновей, братьев. Говорят старые люди: родится много мальчиков, – быть войне! А в 20-е годы родилось невероятно много мальчиков...

Глава 6

Будь готов!

Захар приехал в отпуск через год. В этот день Степана принимали в пионеры на площади у завода. Присутствовали многие заводчане, директор и парторг с комсоргом. Подошла очередь повязывать галстук пионеру Дерябину... Среди собравшихся послышались возгласы: «Стёпка, глянь, кто к вам приехал! Ведь не иначе, как Захар!» Все обернулись в сторону стройного военного курсанта в голубых с позолотой погонах. Все разом заговорили: «Глянь, да ведь это точно наш Захар Дерябин, сын Авдотьи! Точно он!» А Дуся, ойкнув от неожиданности, кинулась к сыну в объятия: не ждала его так рано. А уж как был рад и горд Степан, когда брат вместе с пионервожатой повязали ему галстук. «Пионер Дерябин, будь готов!» – сказала вожатая. – Всегда готов! – отдал салют Степан и брат ответил ему отданием воинской чести. Салютовала и комсомолка-вожатая. На радостях никто не заметил, что зайка Стёпка ЧИСТО сказал: «Всегда готов!» Да он и сам поначалу не обратил внимания на это. Потом вся семья Дерябиных шла к своему дому. А Илья с Николаем по очереди несли чемодан Захара. Их сердца были переполнены радостью. К ней прибавилась другая: многолетний недуг Стёпушки исчез так же внезапно, как когда-то появился в младенчестве.

Теперь уже трудно выяснить, а тем более понять стихийный голод в Поволжье. Был и неурожай, но не такой уж свирепый, чтобы косить людей деревнями. Были и поборы в виде продналогов и нечто подспудное, спрятанное под лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Была ли в этом лозунге необходимость в фактически аграрной стране. Проще: глупо отторгать руку во имя усиления ног!

Большевики порешили Россию превратить из страны аграрной в страну промышленную. Тем самым объединить вокруг себя те основополагающие силы страны – рабочий класс. А фактически создали условия, при которых миллионы вчерашних хлеборобов бездумно перенацеливались на СВЕРШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ идей. Забрасывались земли, которые и без того трескались от засухи и бесхозяйственности. Ко всему самым высокопроизводительных и посему зажиточных крестьян объявили враждебным пролетариату классом: кулаками. И ещё миллионы хлеборобов, скотоводов, маслоделов, мукомолов, льнопроизводителей попали в концлагеря и были обречены на вымирание ещё при доставке к местам ссылки. Повсеместно строили ГЭС, каналы, заводы... Вот вкратце те изначальные и очевидные условия страшнейшего голода 30-х годов.

Многие ещё удивляются: действительно ли отправляли пшеницу и мясо за рубеж, когда в стране была повальная смертность от голода? И лишь в сегодняшние дни получаем ответ: да, отправлялись по ранее подписанным договорам.

Брали за рубежом станки, оборудование, машины для тысяч новостроек, давая обязательства расплатиться продуктами первой необходимости. И расплачивались продуктами...на глазах миллионов умирающих с голода.

Но большевики лицемерно готовили в замену новое поколение, говоря им: «Верный ленинец, будь готов!» На что малыш лет десяти отвечал: «Всегда готов!» И ни у кого не приходило в голову спросить: «А к чему надо быть готовым?» Позже вступительную фразу дополнили: «Верный ленинец, к борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!» И штамповали отряды, полки, дивизии «ленинцев», приплюсовывая к ним «павликов морозовых». Последние предавали родителей во имя «дела Ленина-Сталина». Тогда этого толком никто не понимал. «Будь готов!» и дело в шляпе. В итоге выросло поколение с выражением говорящее: «Всегда готов!». Позже пытались придать некий смысл фразе, выразив в виде «Кодекса строителя коммунизма». Но пока шли голодные 30-е годы и население европейской России готово было ехать хоть к чёрту на куличики, чтобы спасти себя и детей от голодной смерти. Молодёжь, сиречь «комса», ехали больше по зову молодости и романтики.

Часть вторая

Славное море...

Глава 7

Последний взгляд

Шёл самый голодный 1932 год. Иногда доходили посылки от Захара и Нюрочки из Сибири. Лётчик экономил шоколад и слал под видом книг и одеколонил. За паёк может наказать начальство, а хуже того – сопрут по дороге. Посылки нюхали, трясли, а ежели пахло съестным – грабили. Аня тоже хитрила: заворачивала припасы в рубероид и смачивали его соляром.

Машенька с мужем уехали в Омскую область: там колхозников наделяли землёй и голода в тех краях не знали. А Колюнька, как закончил школу, так его Комиссариат отправил учиться по политике, знать тоже определяют в комиссары. Его ещё в школе выбрали комсоргом и редактором газеты.

Всё бы хорошо: вырастила, обиходила, в люди её деточки вышли, а душа болью болела неустанно: Стёпочке, её кровиночке последней шёл семнадцатый годок. На заводе ему уж и разряд дали, доучивался в вечерней школе. Даже занимался борьбой в заводском спортзале. Уж больно хотелось зарабо-

тать Золотой значок ГТО. Ко всему запала ему в голову мечта попасть в моряки. Но туда призыв был с 22 лет. И, хоть кол теши – не отступается! Уж и плакала Авдотья, и к тётке Сафронихе на заговор ходила, – всё понапрасну. Одно утешало: на флот брали через пять лет. А сыну едва 17 стукнуло. Вырос парень крепким, кряжистым и равных ему в борьбе ни в Канаве, ни в Часовнях не было. Боролся молча, упорно, с натиском. И неизменно побеждал. Но тешилась Дуся на малолетство Стёпы недолго. Не зря ныло сердце матери. – Стёпка, завтра нашенских провожать будем в Сибирь! Приходи на Верхнюю Часовню! А то вместея двинем! Мы с пацанами бричку у завхоза выпросили. А назад поедem – сена ему накосим. Там почти все заводские будут. Айда?!

С утра в воскресенье Степан одел сшитую матерью рубашу и выходные брюки. Начистил сапоги. Даже фуражку одел «мичманку», подаренную Захаром, приезжавшим накануне в отпуск с молодой женой. Так что Стёпка, хотя ростом вышел в отца: не больно высок, но широк в плечах и выглядел старше своих лет.

Вышел парень из дому, засмотрелся на Волгу. Подставил лицо солнцу, что всходило из-за бора над берегом реки. Рыжим комком выкатился из-за хаты лохматый кобель Шарик, ткнулся носом в колени Стёпки. И собака, как видно чуяла, что расстанется со своим попечителем НАВСЕГДА. Авдотья стояла на крыльце и краем платка смахивала невесть почему накотившуюся слезу. Она ещё долго стояла и смотрела

вслед уходящему сыну. А сердце колотилось неистово, предсказывая: «Совсем, совсем, навсегда уходит сыночек!!» Хотя прекрасно понимала, что никуда её Стёпушка не денется. А как обычно проводит своих старших и взрослых товарищей в дальние края. А к обеду будет дома. Но душа просто вопила: «Не вернётся Степан! Не видеть тебе его более!!» Затем она присела на ступеньки, да и тихонько сползла на шелковую траву у дома: «Ушёл мой сыночек! Одна ведь я теперь!!» И забилась в рыдании.

А Стёпка вышел к дороге, где его поджидали дружки на бричке. Легко вскочил на облучок и повозка покатила, оставляя Канаву всё дальше и разве что для истории. Обогнали ребят с Карасёвки – те тоже провожали своих деревенских, завербовавшихся на Дальний Восток. Солнце касалось вершин садовых деревьев, а на них заливались пока свободные от гнездовых забот соловьи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.